

ХАРТАНОВИЧ МАРГАРИТА ФЁДОРОВНА,
ХАРТАНОВИЧ МАРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

«УЕЗЖАТЬ ОЧЕНЬ НЕ ХОЧЕТСЯ. С БОЛЬШОЙ ЛЮБОВЬЮ И СОЖАЛЕНИЕМ СМОТРЕЛИ МЫ НА ЗНАКОМЫЕ СТОЙБИЩА...»: ЭТНОГРАФ-ИСКУССТВОВЕД С. В. ИВАНОВ В АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР 1927 ГОДА

Цель работы — ввести в научный оборот полевые материалы этнографа-искусствоведа С. В. Иванова, работавшего в Амурской экспедиции АН СССР 1927 года. Полевой дневник содержит ценные сведения по локальной истории стойбищ и сёл Ульчского района Хабаровского края, описание бытовавшей материальной и духовной культуры. С. В. Иванов — один из ярчайших представителей этнографического искусствоведения. В дневнике показателен его взгляд как искусствоведа на ритуальную скульптуру, он оценивает её с точки зрения искусности исполнения, гармоничности пропорций; также здесь упоминаются имена собственные жителей стойбищ, что важно для такого направления, как персональная история.

Ключевые слова: академические экспедиции, экспедиции в Хабаровский край, сэвэн, ритуальная скульптура, шаманизм, этнографическое искусствоведение, ульчи.

Keywords: academic expeditions, expeditions to the Khabarovsk Krai, Savaki, ritual sculpture, shamanism, ethnographic art history, Ulchi.

Формирование мощной, концептуальной советской этнографической школы в 1920-х годах было напрямую связано с возможностью экспедиционного изучения народов страны. Широкая профессиональная востребованность одного из основателей ленинградской этнографической школы, крупного исследователя этнографии Сибири и Дальнего Востока Л. Я. Штернберга, его работа в высших учебных заведениях, в Музее антропологии и этнографии АН СССР, руководство Сибирским отделением комиссии по изучению племенного состава АН СССР позволяли его ученикам заниматься комплексными задачами в области лингвистики, этногенеза, традиционной культуры, музейного собирательства, социологии, этнографии и искусства.

Поиски проявлений искусства в атрибутах религиозных культов, бытовой материальной культуре, раскрытие смыслового значения народного искусства, а также определение понятия народного или этнографического искусства входили в сферу исследовательских, музейных, педагогических работ ленинградской этнографической школы 1920-х годов.

Представителем социологии искусства, этнографического изучения был Сергей Васильевич Иванов (1895–1986), этнограф-искусствовед, исследователь художественного творчества народов Сибири, специалист по орнаменту. Его учителем в этнографии, социологии искусства был Л. Я. Штернберг. «Художественные произведения были для него не мёртвыми музейными вещами, а живыми человеческими документами, важными научными фактами, которые при решении тех или иных этнологических проблем приобретали в его глазах равнозначную ценность с языком, религией и т. д.», — вспоминал С. В. Иванов о своём учителе [4, с. 169].

Особое внимание Л. Я. Штернберг уделял орнаменту, его смысловому значению, отображению в нём культурно-генетических связей народов определённого региона [4, с. 158]. Заботясь о сохранении материалов по орнаментам, Лев Яковлевич поручал ученикам, уезжающим в экспедиции, собирать для музейного хранения и изучения соответствующие коллекции. Эта задача, а также сбор материалов по резьбе по дереву у тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов была поручена и С. В. Иванову, участнику ульчского отряда Амурской экспедиции АН СССР 1926–1927 годов.

Экспедиция под научным руководством Л. Я. Штернберга проходила под эгидой комиссии по изучению племенного состава (КИПС) в рамках задач по всестороннему исследованию народов СССР, их расселения.

Первая экспедиция КИПС в Приамурье проводила обследование самагиров¹ рек Гарин² и Амур, собирала этнографические коллекции для Музея антропологии и этнографии [11].

Этнолингвистические исследования, начатые в 1926 году, продолжила Амурская экспедиция 1927 года, состоявшая из нескольких отрядов: гаринского и ульчского.

В ульчский отряд вошли ассистент Ленинградского государственного университета Н. К. Каргер³ и практикант Музея антропологии и этнографии С. В. Иванов [11, л. 6], последний — как художник [9, с. 7].

На момент работы экспедиции в Ульчском районе Хабаровского края проживали ульчи, нивхи, нанайцы, орочи, негидальцы, айны, китайцы и корейцы. Обследование охватило территорию от села Софийского на Амуре до села Богородского, стойбища Дайду, Анчан, Гауни, Хыванда, Дырэн, Халан, Удан, Пульса, Булаву, Аури, Май, Монгол, Койма, Нырхи, Ухта, Кадаки.

В задачи Н. К. Каргера входило изучение социальной культуры, родовых союзов, терминологии родства, религии и языка. Вместе с Ивановым собирали материалы по получению шаманского дара и ритуалам посвящения в шаманы, обрядам похорон шаманов и обычных людей, умерших естественной и насильственной смертью, самоубийц [11, л. 4].

К задачам С. В. Иванова относилось изучение жилища, утвари, средств передвижения, собаководства, промысла нерпы и, конечно же, искусства [11, л. 4].

Иванов вёл полевой дневник, в который записывал впечатления от встреч с людьми, бытования в повседневности предметов традиционной культуры. Дневник содержит и вполне понятные жалобы на тяготы, связанные с непогодой, нездоровьем, скудными денежными средствами и проблемами организации питания.

В дневнике автор раскрывает, как собирались этнографические предметы материальной и духовной культуры, как изготавливались модели, выполнялись зарисовки, фотографии, как отправлялись коллекции.

В настоящей работе мы проследим линию передвижения экспедиции, характер работ и особенности сбора этнографических коллекций и фиксации явлений традиционной культуры.

1 Горинские нанайцы, субэтническая группа нанайцев, проживающих в бассейне реки Горин. — Ред.

2 Ныне река Горин. — Ред.

3 Каргер Нестор Константинович (1904–1943?) — советский этнограф, сибиревед, лингвист. Преподаватель на северном факультете Ленинградского восточного института, учёный секретарь научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера, член Комитета нового алфавита народов Севера, преподаватель этнографии и языков народов Севера в Ленинградском институте философии, лингвистики, литературы и истории.

Путь начался 27 мая 1927 года в Ленинграде, и 10 июня отряд прибыл в Хабаровск, где С. В. Иванов встретился с Петром Михайловичем Покровским, тогда заведующим художественным отделом Хабаровского краеведческого музея⁴. Они оказались ровесниками, много разговаривали об искусстве и народном творчестве, смотрели коллекцию церковного искусства [3, л. 4]. Покровский попросил Иванова приобрести в экспедиции предметы для Хабаровского краеведческого музея и для Всесоюзной выставки искусства национальностей СССР [10, с. 166].

Далее экспедиция направилась в село Софийское, где произошла встреча с нанайским учителем Матвеем Дмитриевичем Гаилом: «Небольшого роста, жёлтый, с косыми глазками, он, однако, оказался симпатичным и развитым человеком и много улыбался. Мы скоро убедились в его готовности отвечать на наши вопросы и повели оживлённую беседу». Гаил намеревался продолжить образование и просил ленинградских учёных ходатайствовать о направлении его на рабфак в Ленинград. Из этнографической информации учитель рассказал о ритуале погребения близнецов, чему был сам свидетель, об устройствах могил для взрослых и детей, о терминах родства. Гаил также сообщил Иванову названия цветов, термины для украшений, узоров, вышивок, о бытовании старинных железных панцирей и костяных луков [3, л. 9].

19 июня отряд выехал в селение Дайду. Иванов зарисовывал орнаменты на вещах, что очень заинтересовало женщин и детей — они тут же потащили художнику вещи с орнаментами, ложку для медвежьего праздника, деревянную посуду [3, л. 12].

21 июня из Софийска Каргер и Иванов выехали в селение Анчан, где познакомились с Григорием Бильды. Он охотно рассказывал Каргеру о семьях селения, показал Иванову трафареты узоров, которые принадлежали жене его старшего брата — шаманке. Исследователей поразили изображения божеств, сделанные Григорием по указанию шаманки, например, большая связка деревянных небольших сэвэнов, которая надевалась шаманкой наподобие ожерелья во время камлания. В ожерелье были фигурки людей верхом на конях, баранов, медведей, птиц — все потёртые, блестящие от времени или частого употребления. В доме были подсвечники для моления божеству Калгаму⁵, затем сэвэн Бучу⁶. На шее Бучу была надета железная гривна и цепь с подвесками: медными головами птиц, фигурой человека с одной ногой, напоминающей меч. Там также был

деревянный меч с тремя лезвиями, сделанный по указанию шаманки. Подробности употребления этих предметов и названия отдельных частей выспросить не удалось — шаманка смотрела на ленинградцев неодобрительно и на вопросы не отвечала [3, л. 12–13].

Путь из Софийска привёл Каргера и Иванова в Мариинск, где к Каргеру обратился Семён Сипину. Он хотел уехать в Ленинград на учёбу и просил похлопотать за него [3, л. 15].

Июль этнографы встретили в Удане, где намеривались много фотографировать, купить окно с рыбьей кожей вместо стекла, Сипину обещал сделать копии с идолов, деревянный варган, модель собачьей нарты и т. д. Первые дни в Удане принесли много сборов: модель саней, три шкуры нерпы, информацию о её промысле [3, л. 18–19 (об.)].

Из Удана Каргер и Иванов отплыли в Халан, где было всего три дома: два ульчских и один китайский. Путешественники остановились у китайца. В домах у ульчей Иванов зарисовал орнаменты с берестяной шляпы, детских игрушечных постелей и нанайские орнаменты из рыбьей кожи для халата, заказал изготовить кукол с платьями, одеялами и подушками. Хозяин ночлега продал вещи, оставшиеся после покойной жены, этнографам также удалось купить у жителей орнаменты с подстилки, три берестяных посудыны и 30 деревянных сэвэнов, ненужных и лежавших в амбаре. Под конец пребывания у путешественников установились с хозяином-китайцем самые дружественные отношения. Он угощал гостей чаем и папиросами, показал китайские книги и русско-китайский словарь, из которого Иванов выписал слова, относящиеся к искусству [3, л. 22–23].

18 июля Сергей Иванов праздновал именины — на обед приготовили рисовую кашу с подливкой из помидоров, на ужин — скумбрию в томате и компот. Весь день он зарисовывал орнаменты, делал оттиски с деревянных орнаментов старинных ложек для каши на медвежьем празднике. Ложки были сделаны отцом нивха Молокона в Удане [3, л. 26–27].

21 июля Каргер и Иванов получили от Сипину приглашение присутствовать на шаманском молении покровителю жилища Маси. Для Иванова это был первый опыт. Обряд проводила старая шаманка в юрте Молокона Саги, который во время обряда продолжал заниматься изготовлением модели амбара. Процитируем описание Иванова его первой встречи с шаманским обрядом: «Шаманка долго стояла у дверей и, ритмично шевеля задом, гремела погремушками, привязанными к поясу на спине. Била в бубен и негромко пела. Потом прошлась, угловато поворачиваясь то направо, то налево к углу, где стоял сэвэн Masi⁷, и вернулась к горевшему

4 Ныне Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. — Ред.

5 Калгама — антропоморфный дух, иногда великан, помогает рыбакам и охотникам.

6 Бучу — антропоморфный дух, болезнетворный, помощник в гаданиях.

7 В дневнике С. В. Иванов использовал латиницу для отображения названий на ульчском языке.

очагу. Ей положили к ногам санкуру (благование, особая трава, которая тлеет на железке). Зрелище было особенное: полумрак, дым от очага, от табаку, от санкуры делали фигуры почти силуэтами. Много народа, ритмика движения шаманки, стук бубна и монотонное пение — всё это было так далеко от Ленинграда, от Европы... И среди человек 20-ти туземцев мы были один-два европейцев, которые так диссонировали всем своим видом и всей своей психологией с окружающим. Скоро шаманка кончила, и мы ушли домой оканчивать проявление негативов» [3, л. 29–29 (об.)].

22 июля было моление сэвэну — духу неба. На него не допускались не только чужаки, но и ульчи других родов. Тем временем Иванов вместе с айном Куи смотрели рисунки и оттиски орнаментов. Жители стойбищ с огромным интересом следили за работой Иванова: как он подбирал краски, передавал форму, технические приёмы [3, л. 29–29 (об.)].

В августе в Удане закупали образцы вышивок, модель амбара, сэвэнов, посетили шаманский обряд по излечению больного ребёнка. Также записывали названия частей зимника и обряды, связанные с домом. Были куплены очень важные для искусства вещи: вариации орнаментов на бортах халатов и на рукавах и подвеску к косе девушки, приобретено также несколько штук бересты и трафаретов [3, л. 35].

Иванов и Каргер посетили стойбища Пульса и Булава, где фотографировали дома, ковры, зарисовывали изображения божеств, амбары, покупали сэвэнов. Иванов узнал много новых деталей по промыслу нерпы и связанные с ним религиозные представления. Считалось, что нерпа обладает даром ясновидения, узнаёт, кто умер из оставшихся в деревне близких, кто из оставшихся жён изменил [3, л. 45].

Неожиданная находка ожидала Сергея Иванова: дети принесли детскую игрушечную люльку из бересты, где оказалась деревянная резная кукла девочки. Иванова изумила работа резчика: реализм изображения, причёска, лицо, резной халат. Купили только куклу, хозяин вещи — Дусорка, не хотел продавать люльку — «плохо (детьми же) сделана» [3, л. 46].

В стойбище Май Сергей Иванов зарисовывал орнаменты и беседовал с местной жительницей об орнаментах: «Старушка оказалась чрезвычайно симпатичной и разговорчивой, хотя болтала по-ульчски (гиляки здесь обульченные, как и гольды, составляющие вместе население ст. Май). Я понимал только отдельные слова. Но, зная слова и термины, относящиеся к искусству, а также некоторые ходячие фразы и вопросы, я добился кое-чего от неё. Она была седая, но глаза её весело и приветливо блестели, как у молодой, и с лица не сходила приветливая улыбка. Я не встречал до этого таких симпатичных старух» [3, л. 48].

По дороге из стойбища Май, на скале, у самой воды, этнографы увидели петроглифы. По сообщению женщин,

которые везли их на лодке, петроглифы вырезали первые русские, появившиеся в этом крае. Иванов зафиксировал только один из них — рисунок лошади: в скале были вырезаны довольно искусные изображения, но их было трудно переносить на бумагу. Затем путь привёл отряд в русское селение Иркутское. У «известного в округе богача Кетова» достали хлеб и молоко. Иванов описал Кетова как «жалкую» фигуру — «беспалый, с подвязанной щекой, худой, брата его расстреляли во время партизанской войны» [3, л. 48 (об.), 49].

Из Иркутского Каргер и Иванов прибыли в стойбище Монгол. Они остановились в доме, в обустройстве которого увидели влияние русской среды: стены белёные, окна из стекла, на окнах горшки с цветами, на стенах часы, зеркало, рамка с фотографиями. Вдоль стен стояли китайские сундуки, русский стол, табуреты и шкаф местной работы. Хозяин в 1905 году служил переводчиком бельгийцу, приехавшему на Амур с этнографическими задачами и закупившему 40 пудов этнографических предметов. Бельгиец (с неизвестной Иванову фамилией) делал постановочные фотографии обрядов свадьбы, сцен медвежьего праздника. «Хороша этнография!» — выразил своё отношение к искусственности Сергей Иванов [3, л. 49 (об.)].

Вечер в Монголе завершился беседой со стариком-шаманом, который рассказывал много интересного о первых Дусэ⁸ и близнецах, о том, что Дусэ — это лев, а не тигр, дал объяснения многим сэвэнам, купленным отрядом в Булаве [3, л. 50].

21 августа в Монголе было посвящено встрече с молодым шаманом Кило Вальдю — «довольно симпатичный и разговорчивый шаман (простой), qasati saman⁹ в этом районе в низовье Амура нет вовсе. Их приглашают сверху от гольдов», — писал о нём Иванов. По просьбе этнографов Кило Вальдю нарисовал путь шамана и путь близнецов, для чего использовал карандаши синего, красного и чёрного цветов [3, л. 50].

В Монголе Каргер и Иванов беседовали с местными жителями и о Ленинграде: «Мы поражали их рассказами о Ленинграде, главным образом оперируя цифрами, скоростями, техническими достижениями и ворами-налётчиками. Туземцы то ахали, что издавали восклицания, то дружно готали над тем, как обывателей окручивают и обворовывают на станциях, железных дорогах и в трамваях» [3, л. 53 (об.)].

Как фотографа Иванова ждала в Монголе определённая удача. Идя по деревне, он увидел, что в одном из домов затеяли уборку и вынесли вещи наружу: шкафы, этажерки, подушки, утварь. Сумрачные помещения обычно не позволяли хорошо сфотографировать обстановку, но

⁸ Дусэ — дух-помощник шамана, болезнетворный дух, изображаемый в виде тигра.

⁹ Касаты шаман — верховный шаман у ульчей и нанайцев.

тут на улице оказалась масса вещей. Сфотографировали китайский шкаф, шкафы местной работы с росписью и украшениями, посуду для приготовления еды, дневную и ночную люльки [3, л. 54 (об.)].

В Монголе Каргер и Иванов посетили кладбище и место отправления обрядов медвежьего праздника — арачу. Особенно их заинтересовало погребение мальчика, его обозначал небольшой лук, привязанный у изголовья. Проводник Алексей Тумачи показал им сэвэнов — Дусэ, Мухан¹⁰ и других. Особое впечатление произвёл очень большой Дусэ: «Едва мы взглянули на него, как буквально обалдели. Это было нечто изумительное и невиданное». Фигура Дусэ была сделана из пня с двумя корнями и представляла сидящего, необычайно массивного и крупного идола. Высота его равнялась примерно метру, но самое сильное впечатление производила массивность. Голову венчала «блинообразная» шапочка с шишкой посередине — имитация китайского головного убора чиновника высокого ранга. На голове были выполнены уши, рот, глаза. На теле сделаны соски. На животе было небольшое изображение Дусэ-тигрёнка (пиктэ) в технике вдавленного рельефа. У фигур были руки и ноги, выполненные отдельно. На шее повязаны стружки. На груди — две змеи, сделанные врезом. По словам проводника Алексея Тумачи, вес фигуры мог быть порядка ста килограммов. Фигура была изготовлена по указаниям шамана для женщины, собиравшейся стать шаманкой. Рядом с фигурой находились другие сэвэны, фигуры тигра, льва. У Каргера и Иванова «разгорелся аппетит», но о продаже Дусэ не могло быть и речи. Более того, Алексей Тумачи просил держать посещение этого места в тайне. «Но так хотелось иметь копию с него, что решили сказать, что сами ходили в тайгу и случайно увидели Duse» [3, л. 54–56 (об.)].

На следующий день этнографы зашли к старику, жене которого принадлежал поразивший их Дусэ. Иванов стал уговаривать его продать фигуру. Старик возражал — нельзя продавать сэвэна, принадлежащего живому человеку. Однако Иванову показалось, что сам старик не имел ничего против продажи, но без жены сделать это не решался: «Погоди, сказал он, вот вечером баба приедет, тогда говорить будем». Однако вечером ожидаемой встречи не произошло. Завершила день приятная посылка: отряд получил два фунта монпансье и сто штук папирос [3, л. 54–56 (об.)].

Следующее утро, 26 августа, ознаменовалось получением предметов и записью данных. На нитку хлебных бус и на полоску стекляруса выменяли одну маленькую коробку чугне¹¹ и три шёлком вышитых орнамента. За одну кружку получил небольшую деревянную куклу. Иванов также записал

некоторые факты о подвесках на спинке детских халатов, выполнявших роль украшения и амулета, расспросил о браслетах на ногах и руках, носимых детьми. Браслеты и замок на спине надевались братом бабушки ребёнка по женской линии в том случае, если дети у матери всё время умирали. Предметы, «замыкающие» руки, ноги и спину, охраняли ребёнка от смерти [3, л. 57].

Перед отъездом из Монгола Иванов пытался уговорить продать большого Дусэ, но тщетно. На прощание он сходил в тайгу, последний раз полюбовался и зарисовал этого знаменитого Дусэ.

27 августа этнографы приехали в стойбище Койма. В тайге у Коймы Каргер и Иванов посетили деревянную часовню, поставленную по указу верховского нанайского шамана. Вака, у которого они жили, привёл этнографов в амбар и показал крупные изображения сэвэнов, оказавшихся у него после смерти родных. Тут были Калдему, при том один из них достигал 1,35 метра высоты и имел очень массивную голову и торс, Маси и другие фигуры. Затем жители Коймы понесли на продажу небольших сэвэнов — от болезней глаз, лёгких, сердца, орнаменты из рыбьей кожи, большого Дусэ с подвижными конечностями. Сергей Иванов сделал интересное замечание о сборе предметов: «Подобрал с пола небольшую хорошей работы рыбу из дерева (белушу) — сэвэна. Его на моих глазах смели с нар метёлкой, как мусор». В Койме хозяин пригласил осмотреть свой амбар с «вырезками», как он выразился. Это оказался наиболее богато орнаментированный амбар из всех виденных Ивановым на Амуре [3, л. 58–61].

В Койме Иванов зарисовывал орнаменты для лодок, берестяную посуду, подушки. Шаман Бойде рассказывал о собранных сэвэнах, сказания о Дусэ; Вака — о собаках, собачьей упряжи, зимниках [3, л. 65].

От Бойде узнали «рассказки» (по местному выражению) о происхождении первых Дусэ от связи между братом и сестрой. Сам Бойде был большим мастером резьбы по дереву, «первый живой человек, работающий резные вещи». Иванов отметил, что отряд не видел новых резных деревянных вещей: все ложки, коробки и тому подобное высоко ценились владельцами, получившими их от своих предков. Резные деревянные предметы исчезали из повседневной жизни, в том числе из-за того, что их погребали вместе с владельцем. «Уже редкие копы (гиляцкой работы?) также исчезают быстро, ибо их кладут в гроб владельцу». А молодёжь, по свидетельству Иванова, не занималась резьбой вовсе [3, л. 68].

Из Коймы отряд выехал в Богородское: «Село имеет вид посада с некоторым налётом городка. Всё более деловито, чем в Мариинске, и более официально... Публика интеллигентнее», — делился впечатлениями С. В. Ива-

¹⁰ Мухан — болезнетворный дух, изображается в виде собаки.

¹¹ Берестяная коробка. — Ред.

нов. В Богородском отряд застигло известие о кончине Л. Я. Штернберга. «Мы с Каргером совершенно убиты горем. Руки опустились... Весь вечер провели в унынии и разговорах о Л. Я.» [3, л. 69].

В начале сентября отряд перебрался из Богородского в стойбище Ухта, где встретили семейство, занимавшееся художественной резьбой. Иванову показали резной амбар, с орнаментов которого он сделал оттиски; на нём были ещё доски с узорами, о которых хозяин сказал: «Такой ларь нету, не надо, это так бала делал, его такой здесь не надо». Оказалось, что мастеру помогала одна из его трёх жён и нанесла свой «женский» орнамент на горизонтальные доски фасада. В доме старика Иванову показали коробки, подушки, одеяла, трафареты, чумашки¹², ножны и другие вещи. Мастерами были и жёны, и дочь хозяина [3, л. 74].

Активная работа экспедиции продолжалась с 15 июня по 9 сентября. Возвращение в Ленинград было связано с трудными раздумьями и решениями. Уход из жизни Л. Я. Штернберга означал для обоих участников потерю опоры и помощи. Н. К. Каргер хотел устроиться в Хабаровске или во Владивостоке, так как в Ленинграде он был «не ко

двору». «Быть может, и мне следует подумать о Владивостоке?» — размышлял С. В. Иванов [3, л. 80].

10 сентября отряд покинул Богородское и вышел в Хабаровск: «Уезжать очень не хочется. С большой любовью и сожалением смотрели мы на знакомые стойбища, мимо которых проезжали» [3, л. 82].

Вернувшись в Хабаровск, С. В. Иванов участвовал в заседании Дальневосточного отдела научной ассоциации востоковедов с докладом «К вопросу об изучении туземного изобразительного искусства на Амуре». Выводы исследователя сформулированы в русле концепции Л. Я. Штернберга: искусство народов Амура — часть всеобщей истории искусства, для включения в которую требует своего детального, всестороннего изучения [6, с. 71].

Собранные материалы С. В. Иванов опубликовал в ряде аналитических статей о сравнительном анализе орнаментов, скульптурной резьбы и способов изготовления лодок народов Амура [6], куклах [7], рассмотрении мотивов амурского спирально-ленточного орнамента в связи с культом медведя и медвежьим праздником [5] и в монографии [8], не потерявших актуальность и в наши дни.

Список использованных источников

1. Вайнштейн, С. И. Сергей Васильевич Иванов (40 лет научной деятельности) / С. И. Вайнштейн // Этногр. обозрение. — 1966. — № 5. — С. 158–159.
2. Гарино-Амгунская экспедиция 1926 года : предварительный отчёт Н. Г. Каргера и И. И. Козьминского / [ред. изд. С. И. Руденко]. — Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1929. — 48 с.
3. Дневник сотрудника Амурской экспедиции Академии наук СССР // Архив музея Антропологии и этнографии (АМАЭ). Ф. 33. Оп. 1. Д. 3. — Автограф.
4. Иванов, С. В. Л. Я. Штернберг и примитивное искусство / С. В. Иванов // Памяти Л. Я. Штернберга. 1861–1927 : сб. ст. — Ленинград, 1930. — С. 159–172.
5. Иванов, С. В. Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура / С. В. Иванов // Памяти В. Г. Богораза : сб. ст. — Москва ; Ленинград, 1937. — С. 1–47.
6. Иванов, С. В. Орнамента, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой / С. В. Иванов // Совет. этнография. — 1935. — № 4/5. — С. 62–84.
7. Иванов, С. В. Орнаментированные куклы ольчей / С. В. Иванов // Совет. этнография. — 1936. — № 6. — С. 56–69.
8. Иванов, С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник: По материалам XIX – начала XX в. / С. В. Иванов. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — 500 с. — (Труды Института этнографии имени Н. И. Миклухо-Маклая ; Т. 81).
9. Мельникова, Т. В. Участие С. В. Иванова в Амурской экспедиции 1927 г. / Т. В. Мельникова // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века : докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Л. Я. Штернберга, 9–11 окт. 2001, г. Южно-Сахалинск. — Южно-Сахалинск, 2003. — С. 70–75.
10. Осипова, М. В. Этнографические экспедиции на территории Хабаровского края / М. В. Осипова // Лев Штернберг — гражданин, учёный, педагог. К 150-летию со дня рождения : [сб. науч. ст.] / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; [под ред. Е. А. Резвана]. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 159–176.
11. Отчёт гаринского отряда Амурской экспедиции / Н. К. Крегер, И. И. Козьминский, С. В. Иванов // АМАЭ. Ф. К. 1. Оп. 2. Д. 111. — Автографы.

Материал поступил в редакцию 17.02.2025.

Сведения об авторах:

Хартанович Маргарита Фёдоровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арктических исследований Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург).

Контактные данные: e-mail: mkhart@yandex.ru; тел. 7-921-922-52-91;

Хартанович Мария Валерьевна, заведующая отделом цифровых проектов Российского этнографического музея (Санкт-Петербург).

Контактные данные: e-mail: marijah@mail.ru; тел. 7-921-924-68-64.

¹² Чумашка — берестяной короб.